

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 246.3

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-81-87

ХРИСТОЛОГИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ ПРП. ИОАННА ДАМАСКИНА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ИКОНОПОЧИТАНИЯ

CHRISTOLOGICAL ARGUMENTATION OF VENERABLE JOHN OF DAMASCUS IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHY OF ICON-WORSHIP

Н.Н. Михальцов
N.N. Mikhaltsov

Белгородская Православная Духовная семинария (с миссионерской направленностью),
Россия, 308000, г. Белгород, Белгородский пр-т, 75

Belgorod Orthodox Theological seminary (with missionary orientation),
75 Belgorodsky av., Belgorod, 308000, Russia

E-mail: mnn-st@mail.ru

Аннотация

VIII век в истории византийской философии является весьма насыщенным спорами между представителями различных философских систем. Так, в этом периоде мы можем отметить противостояние между традиционной христианской мыслью и крайними взглядами на иконы, материю и формы поклонения. Известно множество подходов к философскому обоснованию иконоборчества, но большинство из них сформулированы в отрыве от теологического и церковно-исторического контекстов, не имеют конкретной текстологической базы в трудах иконоборцев и иконопочитателей. В связи с этим необходимо дополнительно изучить источники и внести ясность в означенный вопрос. Автор рассматривает различные взгляды исследователей относительно причин возникновения иконоборческого движения в Византии в контексте традиционной христологии. Труды прп. Иоанна Дамаскина (2-я пол. VII в. – до 754 г.), самого яркого полемиста с иконоборцами в период начала смуты, проливают свет на причины возникновения движения против святых икон, а также вскрывают богословские и философские корни иконоборческой ереси. В результате исследования сделан вывод, что корни иконоборческого движения находятся в искажённом понимании философии Боговоплощения и в отвержении иконоборцами традиционной философско-теологической парадигмы. Таким образом, автором конкретизирован философско-теологический контекст иконоборческих споров начального периода иконоборчества, что открывает перспективу исследований христологии иконоборческого движения в целом и философии иконопочитания прп. Иоанна Дамаскина в частности.

Abstract

The VIII century is a period of Byzantine philosophy's history rather filled with disputes between spokesmen of different philosophical systems. We can note a confrontation between traditional Christian thought and radical notions on icons, matter and forms of worship in that period. There are many slants on the philosophical underpinning of iconoclastic ideology. But most of them are formulated in isolation from the theological and church-historical contexts, do not have a specific textual base in the writings of iconoclasts and icon worshipers. This gap in the studies of the Byzantine philosophy of the iconoclastic

period gives rise to an additional study of the sources in this work and to clarify the question. The article observes different opinions among researchers about the causes of the iconoclastic movement in Byzantium in the context of traditional Christology. Works of Venerable John of Damascus (2nd half of the 7th century – before 754), the brightest polemicist with iconoclasts in the period of the beginning of the Troubles, make clear the causes of the movement against holy icons, and also uncover theological and philosophical roots of the iconoclastic heresy. As a result of this research we've come to conclusion that roots of iconoclastic movement are caused by iconoclasts' distorted understanding of philosophy of God's Incarnation and in rejection of traditional philosophical and theological paradigm. Thus, this article concretizes the philosophical and theological context of the iconoclastic controversy of the initial period of iconoclasm, thereby opening up the prospect of studies of the christology of the iconoclastic movement - in general, and the philosophy of icon veneration John of Damascus in particular.

Ключевые слова: философия иконопочитания, богословие, преподобный Иоанн Дамаскин, Лев III, иконоборческие споры, материя.

Key words: philosophy of icon-worship, theology, Venerable John of Damascus, Leo the III-rd, iconoclastic disputes, matter.

Введение

Изучение историографии иконоборческих споров, а также исследований, посвящённых философии иконопочитателей и иконоборцев не дают однозначного ответа на вопрос, в чём состоит главная причина иконоборчества и какова основополагающая доминанта в философии иконопочитания. Вследствие весьма скудной текстологической базы в исследованиях, посвящённых указанному вопросу, практически не уделяется внимание анализу первоисточников. Вместе с тем стоит отметить, что если аутентичных тестов представителей иконоборческого движения начального периода практически не сохранилось, то текстовая база иконопочитателей имеет достаточный объём для проведения исследований.

Таким образом, именно на основе текстов сторонников иконопочитания открывается перспектива реконструкции философских и теологических взглядов представителей иконоборческой партии.

В данной статье автор проанализирует тексты прп. Иоанна Дамаскина для выявления философской составляющей иконоборчества и вместе с тем производит анализ аргументационной базы самого прп. Иоанна.

Гипотезой настоящего исследования является утверждение, что христологическая аргументация является ключевой в контексте философии иконопочитания; именно искажения в области учения о Христе послужили важнейшей причиной к возникновению иконоборчества.

1. К вопросу о причинах иконоборческих споров

В настоящее время существует несколько взглядов на причины возникновения иконоборческого движения в Византийской империи в VIII в. Некоторые учёные склонны утверждать, что главная причина иконоборческих споров лежит в области богословия, в частности в противоборстве православной и монофизитской христологии [Острогорский, 2011; Alexander, 1958]. Существует также мнение, что иконоборчество Льва III – жесткий ответ императора на суеверное использование икон необразованным народом; в этом контексте был также поднят вопрос о возможности почитания материи как таковой [Николай (Сахаров), 2001]. Некоторые исследователи говорят о влиянии на Льва III монтанизма. Шварцлозе вслед за Гарнаком напоминают, что Лев III был *στρατὴρ ἁγίου* кς в двух провинциях Фригии, где было много монтанистов [Болотов, 1994].

Прот. Г. Флоровский, А. Гриллмайер, Н. Озолин причиной иконоборчества видят оригенизм [Сидоров, 1991]. Другие рассматривают влияние ислама как катализатор иконоборчества, ибо иконопочитание могло послужить политической дискредитации христианства [Ladner, 1940]. Среди прочего не исключается и влияние иудаизма [Barnard, 1977; Bruer, Haldon, 2001] на том основании, что, согласно Феофану, при дворе Льва III был некий сириец-иудей Бесер (Βησῆρ), который мог повлиять на взгляды императора.

Однако наиболее веской причиной возникновения иконоборчества, на наш взгляд, являются догматические искажения, корнями уходящие в искажения христологии [Острогорский, 1927; Сидоров, 1991]. Хотя, если следовать общепринятой периодизации иконоборческих споров, христологическим именуется лишь второй период иконоборчества (с начала правления Константина V, ок. 741 г. до VII Вселенского Собора, 787 г.). Такая периодизация приводится, в частности, в Православной энциклопедии [Баранов, 2009]. Этот факт подразумевает, что по крайней мере в первой фазе иконоборческих споров христологическая аргументация не выступала в качестве основной (Николай (Сахаров)).

Если рассмотреть более детально труды самого яркого православного полемиста первого периода иконоборческих споров преподобного Иоанна Дамаскина, то в его творениях христологическая аргументация выступает в полемике с иконоборцами именно в качестве основной [Иоанн Дамаскин, 2002]. Необходимо отметить, что христологическая аргументация, которую использовали обе стороны в полемике об иконах, имела разный характер. Наиболее явно такого рода аргументы представлены во второй и третьей фазах иконоборческих споров, когда ставились вопросы о допустимости изображения человеческой природы Христа. Что же касается аргументации иконоборцев в первый период споров – в настоящий момент не представляется возможным сделать такую реконструкцию, поскольку перед исследователями существует ряд текстологических проблем [Bruer, Haldon, 2001]. Отчасти говорить о взглядах иконоборцев первого периода мы можем лишь по иконоборческой надписи, сделанной над Бронзовыми воротами в Константинополе [Баранов, 2019]. Прп. Иоанн Дамаскин в своих трудах полемизирует с некоторыми тезисами, изложенными в этой надписи.

2. Боговоплощение и иконопочитание по прп. Иоанну Дамаскину

Прп. Иоанн Дамаскин напрямую связывает возможность изображения на иконах Спасителя с фактом Боговоплощения. Эта связь выражается в том числе и через применение христологической аргументации в полемических трактатах против иконоборцев.

Христологическая аргументация, используемая прп. Иоанном Дамаскиным, представляется в его творениях в двух видах.

Прп. Иоанн Дамаскин наиболее часто использует аргумент, основывающийся на факте Боговоплощения, то есть рождения по плоти Бога Слова. Мы поклоняемся, по мысли Дамаскина, «багрянице тела», потому что через соединение с божеством она стала тем, «что есть и освятившее», причём без всякого изменения, через единение «со Словом по ипостаси» (*греч.*: καθ' ὑπόστασιν) [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 4] По сути, этот аргумент прп. Иоанн Дамаскин основывает на учении о взаимообмене свойств (*греч.*: τὸ μέρος τῆς ἀντὶ δόσεως), взаимопроникновении (*греч.*: περὶ ἁόρησιν) естеств, один из пунктов которого гласит, что человеческая природа во Христе приобщается божественной энергии. Указанное учение весьма распространено в святоотеческой традиции [Lampre, 1968] и имеет своё основание, скорее всего, в стоической философии, преломлённой сквозь призму неоплатонизма [Cross, 2000].

По мысли прп. Иоанна, невозможно изобразить невидимое. Однако если Бог сделался видимым, принял человеческую плоть, соединился с материей, стал описуем через категории размера, формы и цвета, – то мы можем не только Его изображать на иконах

[Иоанн Дамаскин, 1993], но и поклоняться Его изображениям: «Не поклоняюсь твари вместо Творца, но поклоняюсь Создателю, подобно мне сделавшемуся сотворенным» [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 90]. При этом на иконах мы не пытаемся изобразить божество, что невозможно, но делаем «изображение человеческого Его вида» (*греч.*: τῆς ἀνθρωπίνης μορφῆς τ ἐκτόπωμα) [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 93].

Такой вид христологической аргументации вытекает из учения об обожении (θέωσις) как теснейшем единении божественной и человеческой природ во Христе, началом которого и является Боговоплощение.

Воплощение Логоса для Дамаскина – важнейший аспект обожения человека, ибо Христос «представил Себя путём, образцом и примером, чтобы и мы, пойдя по Его стопам, стали по усыновлению тем, что Он есть по природе: сынами и наследниками Божиими, и сонаследниками Его» [Иоанн Дамаскин, 2002, с. 301]. Боговоплощение – это начало пути нашего спасения и обожения.

Обожение как богословско-философская категория, указывающая на энергийное соединение человека с Богом, святыми отцами напрямую связано с воплощением Слова. Так, свт. Иринеи Лионский выражает эту мысль весьма лаконично: «Слово Божие [соделалось] человеком, и Сын Божий – Сыном человеческим, чтобы [человек] сделался сыном Божиим» [Иринеи Лионский, 1996, с. 240]; «[Слово Божие] сделалось тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он» [Иринеи Лионский, 1996, с. 446]. Иными словами можно сказать, что Бог через воплощение соединяется с материей – освящает материю для того, чтобы материальный мир через человека возрастал в сопричастии Богу. Эта идея обожения всего бытия, проходящая красной нитью через богословие прп. Максима Исповедника, является ярким свидетельством того, что святоотеческая мысль не только не порицала материальную природу, но видела в материи заданность к динамичному сопричащению Богу.

Показательно, что прп. Иоанн Дамаскин всю последующую апологию иконопочитания выстраивает именно на аргументе от Боговоплощения.

Так, иконоборцы, порицая материю, тем самым пренебрегают фактом, что Бог соединился с материей, обожив её. А если такое соединение стало возможно – нет основания презирать материю, ибо достоин презрения только грех [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 13]. В силу сопричастности домостроительству спасения, по мысли Дамаскина, и возможно почитание (*греч.*: προσκύνησις) Креста, Голгофы, Гроба Господня, [Иоанн Дамаскин, 1993]. Также и святым иконам, освящаемым Божиим именем, следует воздавать почитание (*греч.*: τὴν προσκύνησιν) [Иоанн Дамаскин, 1993].

Кроме того, икона служит воспоминанием событий из священной истории, имеющей свое центральное начало в Богоявлении, то есть в вещественном рождении ипостаси Богочеловека. Отсюда и изображение Богородицы «как Матери Сына Божия», и изображение святых, подражавших Христу излиянием крови за Него, пролившего «за них Свою собственную кровь», воспоминанием «начертанных подвигов и страданий их» [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 17].

Не должно, нарушая ветхозаветный запрет идолопоклонства, изображать несуществующих богов, поклоняться творению, а не Творцу. С другой стороны, мы можем и должны создавать изображения Создателя, Явившегося людям в новозаветные времена [Иоанн Дамаскин, 1993].

3. Аргумент «от Боговоплощения» в контексте философии иконопочитателей

В творениях церковных писателей, предшествовавших прп. Иоанну Дамаскину, аргумент «от Боговоплощения» в контексте иконопочитания если иногда и использовался, то весьма сжато.

В «Деяниях VII Вселенского Собора» мы находим несколько отрывков из сочинений иконопочитателей, в которых используется аргумент «от Боговоплощения». Так, Леонтий, епископ Неаполя Кипрского (нач. VII в.), иконы представляет как орудия воспоминания, прежде всего – воспоминания искупительного подвига Христа, чтобы «непрестанно видеть их [страдания Христа. – иер. Н. М.], помнить их, а не позабывать» [Деяния, 1996, с. 131].

Папа Григорий в послании Герману Константинопольскому замечает, что «если Господь не воплотился, то пусть и не изображают святого образа Его в человеческом виде»¹. Григорий противопоставляет иконы как образы Бога, реальных людей и событий и идола как изображения вымышленных существ.

В слове Иоанна, еп. Солунского, говорится, что мы изображаем Христа «так, как Он был видим на земле и обращался между людьми, а не так, как мы представляем Его в божественном естестве»².

Свт. Герман Константинопольский выстраивает следующую логику иконопочитания: так как Сын сделался человеком, то мы можем изображать икону «Его образа и человеческого вида Его по плоти», показывая тем самым, «что Он не фантастично и не призрачно соединился с нашим естеством». Через это мы приходим и к «воспоминанию... о вочеловечении Его» [Деяния, 1996, с. 157]. На таком же основании святителем Германом строится концепция почитания икон Богородицы и святых.

Указания на аргумент «от Боговоплощения» мы видим в определении VII Вселенского Собора, где говорится, что освобождение от идольского заблуждения даровал нам «вочеловечившийся Бог» [Деяния, 1996, с. 171]. Принимать иконы Христа следует «поелику Он соделался совершенным человеком» [Деяния, 1996, с. 296]. Также и защитники иконопочитания последующего периода, прп. Феодор Студит и свт. Никифор Константинопольский, развивали свою аргументацию в защиту икон на основе мысли прп. Иоанна Дамаскина.

Заключение

Основываясь на творениях прп. Иоанна Дамаскина, мы можем говорить о том, что христологическая аргументация была ключевой при защите им иконопочитания. Если вопрос о возможности изображать на иконе плоть Христа носил узкую направленность, являлся основой для последующей христологической аргументации иконопочитателей, то апеллирование к факту Боговоплощения являлось универсальным аргументом, позволявшим выстраивать любую линию апологии святых икон. Последним и объясняется широкое использование прп. Иоанном Дамаскиным аргумента «от Боговоплощения» в иконоборческой полемике в то время, когда споры по сути ещё не велись в области христологии. Прп. Иоанн Дамаскин явился по сути новатором в широком использовании христологической аргументации в полемике с иконоборцами и заложил твердую основу защиты иконописных образов, на которую опирались последующие защитники Православия. Мы можем утверждать, что на всем своём протяжении иконоборческие споры имели под собой в конечном счёте христологическую основу.

Список литературы

1. Баранов В.А. 2004. Богословская интерпретация иконоборческой надписи в Халки. В кн.: История и теория культуры в вузовском образовании: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: 181–186.
2. Баранов В.А. 2009. Иконоборчество. Православная Энциклопедия. Т. 22. М.: 31–44.
3. Болотов В.В. 1994. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 4. – репр. изд. 1917 г. М., 599 с.

¹ Деяния Вселенских Соборов. Т. VII. – репр. изд. 1909 г. СПб., 1996. С. 154

² Деяния Вселенских Соборов. Т. VII. – репр. изд. 1909 г. СПб., 1996. С. 188.

4. Иоанн Дамаскин. 2002. Источник знания. М.: Индрик (Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Святоотеческое наследие. Т. 5): 418 с.
5. Иоанн Дамаскин. 1993. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. Репринт 1893 г. СТСЛ: 168 с.
6. Ириней Лионский. 1996. Против ересей. В кн.: Творения. – репр. изд. 1900 г. М.: 639 с.
7. Николай (Сахаров). О причинах иконоборческих споров согласно трактату преподобного Иоанна Дамаскина «Первое защитительное слово против отвергающих святые иконы». Альфа и Омега. 2001, 4 (30): 67–81.
8. Острогорский Г.А. 2011. История Византийского государства. М., Сибирская благовонница, 895 с.
9. Острогорский Г.А. 1927. Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества. *Seminarium Kondakovianum*. Vol. I. Prague: 38–48.
10. Сидоров А.И. 1991. Послание Евсевия Кесарийского к Констанции (к вопросу об идейных истоках иконоборчества). *Византийский временник*. Т. 51. 58–73.
11. A Patristic Greek Lexicon. 1968. Ed. by G.W.H. Lampe. Oxford: The Clarendon Press, 1568 p.
12. Alexander P.J. 1958. The Patriarch Nicephorus of Constantinople Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 287 p.
13. Barnard L. 1977. The Theology of Images. Iconoclasm. Ed. by A. Bryer and J. Herrin. Centre for Byzantine Studies University of Birmingham. Birmingham, 196 p.
14. Bryer A., Haldon J. 2001. Byzantium in the Iconoclast Era (680-850). The Sources: Annotated Survey. Birmingham Byzantine and Ottoman monographs. Vol. 7. Bodmin, 324 p.
15. Cross R. 2000. Perichoresis, Deification, and Christological predication in John of Damascus. *Mediaeval Studies*. Vol. 62: 69–124.
16. Ladner G. 1940. B. Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy. *Medieval Studies*. N. Y., Vol. 2: 127–149.

References

1. Baranov V.A. Bogoslovskaja interpretacija ikonoborcheskoj nadpisi v Halki [Theological interpretation of the iconoclastic inscription in Halki]. V kn.: *Istoriya i teoriya kul'tury v vuzovskom obrazovanii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. [History and theory of culture in higher education]. Novosibirsk: 181–186.
2. Baranov V.A. 2009. Ikonoborchestvo [Iconoclasm]. *Pravoslavnaia Jenciklopedija*. Т. 22. М.: 31–44.
3. Bolotov V.V. 1994. Lekcii po istorii Drevnej Cerkvi [Lectures on the history of the Ancient Church]. Vol. 4. Reprint edition. 1917. М., 599 p.
4. Ioann Damaskin, prp. 2002. Istochnik znaniia [Source of knowledge]. Vol. 5. М., Indrik, (Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij Bogoslovskij institut. Svjatootecheskoe nasledie): 418 p.
5. Ioann Damaskin, prp. 1993. Tri zashhitel'nyh slova protiv poricajushhiih svjatye ikony ili izobrazhenija [Three protective words against censuring holy icons or images], reprint edition. 1893. STSL: 168 p.
6. Irinej Lionskij, svt. 1996. Protiv eresej [Against heresies]. In: *Tvorenija*. Repr. edition 1900. М., 639 p.
7. Nikolaj (Saharov), ierod. 2001. O prichinah ikonoborcheskih sporov soglasno traktatu prepodobnogo Ioanna Damaskina «Pervoe zashhitel'noe slovo protiv otvergajushhiih svjatye ikony» [About the causes of iconoclastic disputes according to the treatise of St. John of Damascus "The first protective word against those who reject the holy icons"]. *Al'fa i Omega*, 4 (30): 67–81.
8. Ostrogorskij G.A. 2011. Istoriija Vizantijskogo gosudarstva [History of the Byzantine state]. М., Sibirskaya blagovonnica, 895 p.
9. Sidorov A.I. 1991. Poslanie Evsevija Kesarijskogo k Konstancii (k voprosu ob idejnyh istokah ikonoborchestva) [The Epistle of Eusebius of Caesarea to Constance (to the Question of the Ideological Sources of Iconoclasm)]. *Vizantijskij vremennik*. Vol. 51: 58–73.

10. Ostrogorskij G.A. 1927. Soedinenie voprosa o svjatyh ikonah s hristologicheskoj dogmatikoj v sochinenijah pravoslavnyh apologetov rannego perioda ikonoborchestva [Combining the issue of holy icons with Christological dogma in the writings of Orthodox apologists of the early period of iconoclasm] Seminarium Kondakovianum. Vol. I. Prague: 38–48.
11. A Patristic Greek Lexicon. 1968. Ed. by G.W.H. Lampe. Oxford: The Clarendon Press, 1568 p.
12. Alexander P. J. 1958. The Patriarch Nicephorus of Constantinople Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 287 p.
13. Barnard L. 1977. The Theology of Images. Iconoclasm. Ed. by A. Bryer and J. Herrin. Centre for Byzantine Studies University of Birmingham. Birmingham, 196 p.
14. Bryer A., Haldon J. 2001. Byzantium in the Iconoclast Era (680-850). The Sources: Annotated Survey. In: Birmingham Byzantine and Ottoman monographs. Vol. 7. Bodmin, 324 p.
15. Cross R. 2000. Perichoresis, Deification, and Christological predication in John of Damascus. Mediaeval Studies. Vol. 62: 69–124.
16. Ladner G. 1940. B. Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy. In: Medieval Studies. N. Y., Vol. 2: 127–149.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Михальцов Н.Н. 2020. Христологическая аргументация прп. Иоанна Дамаскина в контексте философии иконопочитания. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право.* 45 (1): 81–87. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-81-87

Mikhaltsov N.N. 2020. Christological argumentation of venerable Ioanna Damaskina in the context of philosophy of icon-worship. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law.* 45 (1): 81–87. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-81-87